

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ БАРКОВИЧ

доктор филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета, Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь)
albark@tut.by

МЕТАЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ: ДЕРИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Метаописания динамики языка актуальны в контексте современной лингвистики, обеспечивающей совершенствование коммуникации. Особый интерес представляет репрезентация модификационных возможностей языковой системы – деривационных. Современное развитие языковой системы характеризуется все более существенным влиянием фактора компьютерного опосредования коммуникации, что придает речевой практике новую специфичность. Подобный тренд обуславливает и целесообразную ориентацию метаязыкового изучения и сопровождения дискурса на создание статистически корректных моделей. Такие модели должны быть максимально дискретными и иерархически организованными в соответствии со статистической моделью коммуникации, в том числе в научном дискурсе. Базовым уровнем непротиворечивого и иерархического метаописания деривационных отношений является терминологический. Задачи комплексного моделирования референтных языковых отношений обусловлены верификацией и корректной систематизацией терминосистемы. Основой соответствующей научной практики является репрезентация базовых понятий: для деривационных отношений приоритетными будут вопросы метаописания самой *деривации* как феномена и ее базовых единиц – *деривативов*, *деривантов*, *дериватов*. Аспекты рассмотрения данной проблемной области, в частности лексический, характеризуются существенным потенциалом метаязыковой репрезентации.

Ключевые слова: деривация, терминосистема, метаязык, метаописание, фрейм, иерархическая метамодель деривации, компьютерно-опосредованный дискурс

Формальная выраженность деривационного процесса позволяет предметно изучать и описывать его с помощью вторичных семиотических систем – в метаязыковом аспекте. В контексте повышенного внимания в современных условиях практически ко всем особенностям речевой практики их корректная метаязыковая репрезентация становится весьма актуальной. В свою очередь, последовательное использование потенциала метаязыковой парадигмы способствует решению широкого круга вопросов, связанных с адекватной речевой имплементацией языковых единиц. В этой связи репрезентация деривационных закономерностей развития языка, пожалуй, одна из наиболее практически обусловленных лингвистических задач. Стратегической целью в метаязыковом плане является создание фрейм-модельной инфраструктуры *деривации* как языкового феномена. Такое языковое моделирование предъявляет вполне определенные требования к репрезентации эмпирического материала: она должна быть дискретной и непротиворечивой. Решение данной проблемы, пожалуй, невозможно без устранения множественности в понимании и использовании важнейшего метаязыкового ресурса – терминологического, что явилось объектом данного исследования. Есть все основания предполагать, что приоритетной в данной связи будет лингвистическая верификация самой референтной терминосистемы.

Специфика изучения языка как системы в «до-компьютерную» эпоху в значительной мере была обусловлена сложностью сбора представительных массивов речевой практики. В метаязыковом плане такая деятельность ориентировалась, как правило, на *лексический* уровень языковых данных. С появлением компьютеров эмпирическая обеспеченность лингвистики существенно улучшилась, и по мере развития коммуникационных технологий дискурс в «электронном» формате становится все более *репрезентативным* [2]. Нечто подобное в истории коммуникации можно было наблюдать, возможно, лишь при возникновении письменности.

Неудивительно, что сегодня новые количество и качество доступной для исследований речевой практики обуславливают сдвиг фокуса метаязыковых исследований в сферу металингвистики, по-новому актуализируя проблематику многоуровневой репрезентации языковой системы [5: 47]. Вместе с тем лексическая проблематика осталась востребованной. Разумеется, сегодня, как и прежде, языковая система – абстракция, обеспеченная *метаязыком* и его возможностями «сопоставлять языковые знаки и говорить о самом языке», быть «структурным образованием» [9: 316]. При этом, с учетом современной эмпирической обеспеченности лингвистики, нередко по-новому актуализируются «классические» метаязыковые описания. Примером такой

традиционной для языкознания проблемной области, по-прежнему обладающей существенным потенциалом метаязыкового развития, является *деривация* – воплощенная в речевой деятельности вариативность единиц языка, в первую очередь слов. В деривационном процессе имеет место «особая форма функционирования слова (функционирования с модификацией)» [6: 3].

Деривация – термин с богатой историей, этимологически восходящий к латыни: его эволюция отчетливо прослеживается через английский язык, где *derivation* – ‘вывод, образование, деривация’; старофранцузский язык, где *dérivation* – ‘уход, поворот’; и латынь, где *derivare* – ‘приисходить, спускаться’ – было образовано от *de* – ‘из, от’ и *rivus* – ‘поток, течение’¹. Понятие *деривации*, введенное в 30-е годы XX века Е. Куриловичем для характеристики словообразовательных процессов, позволило предметно соотнести цели и задачи процесса развития языковой системы с метаязыковыми средствами его описания [7]. Сам термин является широкоизвестным и востребованным. Однако, несмотря на интенсивное изучение референтной проблематики, наблюдаются существенные расхождения в лингвистической интерпретации как самой единицы *деривация*, так и соответствующей терминотерминологии.

Так, например, в «Энциклопедическом словаре лингвистических терминов и понятий: русский язык» *деривация* прямо ассоциируется со словообразованием: «ДЕРИВАЦИЯ (лат. *derivatio* “отведение; словопроизводство”). 1. См. словообразование. 2. Образование простых производных слов. В этом значении исключается образование сложных слов, которые являются объектом *композитологии*»². В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой *деривация* – только «аффиксальное словообразование»³. В однотипном источнике «Словаре лингвистических терминов» Т. В. Жеребило *деривация* толкуется достаточно широко, но в пределах только лексического уровня языка: «ДЕРИВАЦИЯ [лат. *derivatio* отведение, отклонение]. Образование слова в языке по существующим моделям с помощью аффиксации, чередования звуков, словосложения, стяжения, развития новых значений и др. средств»⁴. Достаточно объективно и пространно *деривация* структурирована в источнике «Языкознание. Большой энциклопедический словарь»: «ДЕРИВАЦИЯ (от лат. *derivatio* – отведение; образование) – процесс создания одних языковых единиц (дериватов) на базе других, принимаемых за исходные, в простейшем случае – путем “расширения” корня за счет аффиксации или словосложения, в связи с чем Д. приравнивается иногда к словопроизводству или даже словообразованию. Согласно более широкой точке зрения, Д. понимается либо как обобщенный термин для обозначения словоизменения и словообразования вместе взятых, либо как название для процессов

(реже результатов) образования в языке любых вторичных знаков, в т. ч. предложений, которые могут быть объяснены с помощью единиц, принятых за исходные, или выведены из них путем применения определ. правил, операций»⁵. Характерно, что в большинстве приведенных определений разночтения начинаются уже на этапе корреляции термина с латинским языком: кроме ‘отведения’ – это и ‘словопроизводство’, и ‘отклонение’, и ‘образование’. Впрочем, лексикографическая практика всегда отражала субъективность составителей словарей.

Пожалуй, бесспорным является то, что **деривация** – это образование новых языковых единиц или их форм на основе уже существующих языковых единиц при помощи релевантных языковых средств. При этом характеристика *релевантности* языковых средств подразумевает, в свою очередь, достаточно широкий спектр идентичности, начиная от характера, стереотипности средств и заканчивая уровневой локализацией процесса. Анализ речевой практики, ее дискурсивная по сути интерпретация, не оставляет места для сомнений в универсальности и общезыковом характере деривационных процессов. Так, по мнению Н. Д. Голева: «Слово – не единственный объект деривации / мотивации. Деривация слова – частная разновидность процессов, имеющих общезыковой характер. Они проявляются при образовании сложных единиц: словосочетаний, предложений, текста, их компонентов – словоформ. Не исключена возможность применения принципа деривации / мотивации к более низким по уровню, чем слово, единицам, например, аффиксам» [6: 29]. Металексическая, как *гипер-*, так и *суб-* или *интер-* значимость языковых единиц в речи является важным ресурсом динамики языка [4]. Как отмечалось Л. Н. Мурзиным, значительно расширившим проблемную область дериватологии, в контексте речевой деятельности язык получает большую степень свободы [8: 132].

Во многом подобная вариативность объектных особенностей обусловила большое разнообразие компетентных суждений по данной проблематике. Велик разброс мнений относительно представления ключевых структурных элементов уже самой деривации: *дериватов*, *деривантов*, *деривативов*, *дериваторов*, *деривативных единиц* и т. д.⁶ Пожалуй, единственным счастливым исключением из единиц данного ряда, не имеющим в русской лингвистике противоречивого толкования, является *дериват* (см. ниже).

Характерно, что на собственно языковую специфику метаязыковой интерпретации деривации в отдельно взятом языке, например в русском, не может не влиять и статус самого термина-интернационализма *деривация* (англ. *derivation*, фр. *dérivation*, исп. *derivación* и т. д.), что важно в дискурсивном аспекте. Существенно в данной связи влияние экстралингвистических факторов.

Например, в русскоязычных метаописаниях сравнительно редко используются *derivativы* и *дериванты*. С учетом статуса данных единиц – заимствований-калек – их малая распространенность в русском языке (и отсутствие во многих словарях, в том числе терминологических) является косвенным свидетельством продолжающегося освоения. При этом их эквиваленты *derivative* и *derivant* широко востребованы в английском языке, в том числе вне лингвистического контекста.

Неустоявшаяся, колеблющаяся языковая динамика особенно ярко проявляется в *компьютерно-опосредованном дискурсе* (КОД) – новой коммуникационной реальности. Такова специфика КОД – «...речевой деятельности, развернутой в обеспеченной компьютерными технологиями пространственно-временной реальности и обусловленной широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой» [5: 37]. Как и иные языковые системообразующие отношения, деривационные отношения в компьютерно-опосредованной речевой сфере более прозрачны и доступны, чем в традиционном дискурсе. КОД, в частности интернет-дискурс, достаточно объективно отражает и существующее «деривационное» разнообразие:

Frodo Baggins is renamed Frodo Sumkin (a derivative from the Russian word sumka, or bag) (Фродо Бэггинс переименован во Фродо Сумкина (*производное* от русского слова «сумка», или пакет)) [<http://boingboing.net/2004/05/16-week/>];

Derivatives are contracts that are «derived» from an underlying asset such as a bond, a foreign currency or a commodity such as oil or soybeans (Деривативы – это контракты, которые являются производными от базового актива, такого как облигация, иностранная валюта или товар, такой как масло или соевые бобы) [http://usato-day30.usatoday.com/money/companies/management/2009-11-22gensler-otc-derivatives_N.html];

Again, although more primitive in construction, you will see the classic v-shaped profile that is now seen on the Mastiff – the British Army's derivant of the US Cougar mine protected vehicle (Опять же, вы увидите, хотя и более примитивный по конструкции, классический V-образный профиль «Мастиффа» – *модификации* для британской армии американской «Пумы», обладающего противоминной защитой транспортного средства) [<http://eureferendum.blogspot.com.by/2007/08/we-are-soooo-happy-for-them.html>].

Именно английский язык является «донором» или «логистическим центром» для огромного количества современных терминов, в том числе лингвистических, в том числе деривационных. При этом с терминами *derivate* (рус. *дериват*), *derivant* (рус. *деривант*), *derivative* (рус. *дериватив*) в самом англоязычном лингвистическом контексте тоже все далеко не однозначно: они

часто используются, но за ними нередко стоят разные денотаты. Так, то, что в русском языке подразумевается, главным образом, под *дериватом* – производной единицей в деривационном процессе, или «производным словом»⁷, – в английском языке может обозначаться и как, собственно, *derivate* (*derivat*), и как *derivant*, и как *derivative*.

В данной связи уже не удивляет противоречивая презентация элементов референтной терминотомии в русскоязычном метаязыковом формате. Так, в одном специализированном словаре на соседних страницах «словообразовательный элемент языка» квалифицируется и как *деривант*, и как *дериватор*: «ДЕРИВАНТ. То же, что формант словообразовательный»⁸; «ДЕРИВАТОР. 1. То же, что аффикс словообразовательный, формант словообразовательный»⁹. При этом для обозначения элементов, изменяющих производящую основу слова, вообще-то говоря, есть как минимум не менее удачные термины – *derivatема*, *граммема*, *флексионема* (см. ниже), не перегружающие «деривационную» парадигматику. *Дериватема*, кстати, тоже присутствует в данном словаре как «словообразовательная категория»¹⁰. Однако при целесообразной аналогии *дериватива* с *формативами* данный термин здесь почему-то использован в экспоненте женского рода – «дериватива» («...к числу *дериватив*...») и связывается как с *производящей основой*, так и, опять же, с *деривантом*.

Конечно, для метаязыка подобное противоречивое развитие лексемы *деривация* создает немало неудобств: нередко научное обсуждение начинается со «сверки часов» – что именно обсуждается и как понимается.

Характерным примером неоднозначной и неполной ассимиляции иноязычной по происхождению лексемы *деривация* в русском языке является единица *деривант*. В этом случае – наряду с иными, более и менее латентными причинами – сложившееся восприятие словообразовательной мотивации, например при использовании суффикса *-ант*-, совершенно не способствует формированию «прозрачных» деривационных отношений. Некоторые варианты его стереотипной имплементации описаны и представлены, в частности, в «Толковом словообразовательном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой – кроме «названий лиц» здесь обозначены: «действие по глаголу, названному мотивирующим словом» и «результат такого действия (*вариант*, *диктант*)»¹¹. Естественно: «...деривационные правила и нормы при воспроизводстве готового деривата необходимо корректируются лексическими нормами (знанием того, что нужное слово существует в определенной форме и находится в определенном месте лексической системы)» [6: 213], – практика многообразнее.

В общем-то, в активе русского языка достаточно много лексики на *-ант*: только в «Обратном словаре русского языка» представлены 120 единиц¹². Единицы из данного перечня можно считать уже как минимум состоявшимися неологизмами, имея в виду, что огромное количество менее освоенной заимствованной лексики в узловые словари не попадает. Однако дополнительную сложность создает то обстоятельство, что далеко не все из них могут рассматриваться как возможные дериваты русского языка (ср. *квартир-ант*, *конкурс-ант*, *фигур-ант* и *адьютант*, *дилетант*, *педант*). Кроме того, например, потенциально продуктивная оппозиционная модель типа *адрес-ат* – *адрес-ант* – практически не распространена в русском языке, будучи заимствованной из немецкого языка в готовом виде (нем. *Adressat* – *Adressant*). Такие однокоренные этимологически пары слов, как *дипломат* – *дипломант*, *магистрат* – *магистрант*, *квадрат* – *квадрант*, в русском языке не более чем паронимы. Тем не менее оппозиционная модель *-ат* – *-ант* в русском языке объективно присутствует, что вполне может рассматриваться как фактор, способствующий целесообразной адаптации лексем *дериват* и *деривант* и формированию полноценной диады *дериват* – *деривант*.

Возникает резонный вопрос: так что на самом деле должно подразумеваться под терминами *дериват*, *деривант* и *дериватив* в русском языке? Ответ, как можно видеть, не столь очевиден, однако в силу вышеизложенных причин предложить его необходимо.

Разумеется, актуально в данном контексте то, что *деривация* и все ее производные – как правило, заимствования того или иного качества. Иноязычное происхождение имеют и такие заимствованные в рассматриваемой словообразовательной парадигме суффиксы, как *-ив-*, *-ат-*, *-ант-*, *-ор-* (*-ер-*, *-ёр-*) и др. Небезынтересным в данной связи может оказаться обращение к англоязычному дискурсу – одному из основных терминологических стандартов современной науки. Рассмотрим, к примеру, *дериватив* (англ. *derivative*): в английском языке данная лексема – наиболее употребительный термин для обозначения существительных и прилагательных с «деривационной» семантикой. Так, согласно данным словаря *The American Heritage Dictionary of the English Language*, здесь для лексемы *derivative* (рус. *дериватив*) среди девяти вариантов имеется узкоспециальное «лингвистическое» значение –

‘производное слово’ (*Linguistics: A word formed from another by derivation*). Однако на первом месте для данной лексемы предусмотрена гораздо более широкая значимость: «...1. Resulting from or employing derivation: a derivative word; a derivative process» (Возникший в результате деривации или задействованный в ней: *деривативное слово*, *деривативный процесс*)¹³. В контексте русскоязычных метаязыковых реалий *derivative word* (рус. *деривативное слово*) вполне может переводиться и не дословно – например, как *дериватив*.

Таким образом, избегая интерференции множества понятий, **деривативами**, видимо, целесообразно называть обобщенные совокупности задействованных в деривационном процессе единиц *лексического* уровня: как **дериватов** – производных, так и **деривантов** – базовых (производящих) единиц.

Влиятельные функциональные реалии современной речевой деятельности – это и сам *КОД* как активно развивающийся феномен, и его *опозиционная (бинарная) специфика*. В данной связи оказывается особенно востребованной такое «...иерархическое и оппозиционное – в идеале, бинарное – метаязыковое обобщение, отражающее динамику деривационных отношений в речевой практике как **иерархическая метамодель деривации**» [3: 108]. Собственно, *иерархическая* логика заложена в концептуальной организации любого фрейма как такового: «...структура фрейма складывается по принципу схожести элементов и их связей с подчинительной связью общего и частного» [1: 83]. *Метамодель* же – как модель или совокупность моделей – позволяет объединять разнородные, непрямо связанные иерархические конструкции, например разноуровневые субмодели.

Последовательная репрезентация деривационной терминосистемы позволяет создавать актуальные *динамические* метаописания, стремящиеся к дискретности. Разумеется, ввиду сложности деривационных отношений в языке данная проблематика не может быть исчерпана репрезентацией базовых единиц, таких как *деривативы*, *дериванты* и *дериваты*, а требует дальнейшей структуризации терминосистемы. При этом очевидно, что референтным структурным элементом деривационной метамодели вполне может быть иерархически организованное единство на лексическом уровне. Системообразующими элементами такой субмодели на лексическом уровне оказываются гипероним *дериватив* и оппозиционные гипонимы *деривант* и *дериват*.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Online Etymology Dictionary. Available at: <http://www.etymonline.com> (accessed 30.07.2015).

² Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: русский язык / Ред. А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов. М.: Флинта: Наука, 2014. Т. 1. 842 с.

³ Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966. 607 с.

⁴ Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.

⁵ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.

- ⁶ Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий: русский язык / Ред. А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов. М.: Флинта: Наука, 2014. Т. 1. 842 с.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный: Св. 136000 слов. ст., ок. 250000 семант. ед.: В 2 т. М.: Рус. яз., 2000. 2297 с.
- ¹² Обратный словарь русского языка: Около 125000 слов. М.: Сов. энциклопедия, 1974. 944 с.
- ¹³ The American Heritage Dictionary of the English Language [5th edition]. Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2011. 2112 p.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балакин С. В. Деривационный потенциал концептуальной системы языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2016. 609 с.
2. Баркович А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. М.: Флинта: Наука, 2015. 288 с.
3. Баркович А. А. Информационная лингвистика: Метаописания современной коммуникации. М.: Флинта: Наука, 2017. 360 с.
4. Баркович А. А. Компьютерно-опосредованная коммуникация: потенциал металексической значимости // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 7 (152). С. 38–43.
5. Баркович А. А. Функциональность диады «коммуникационный – коммуникативный»: дискурсивный аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 5 (37). С. 37–52.
6. Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1989. 252 с.
7. Курилович Е. Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. С. 57–70.
8. Мурзин Л. Н. О степенях свободы языка // Русское слово в языке, тексте и культурной среде. Памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1997. С. 127–133.
9. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 306–318.

Barkovich A. A., Belarusian State University (Minsk, Belarus)

METALANGUAGE SPECIFICITY OF MODELING: DERIVATIONAL ASPECT

Meta-descriptions of the language dynamics are relevant in the context of modern linguistics, which provides perfection in communication. The representation of modification possibilities of the language system, derivation in particular, constitutes a special scientific interest. The modern development of the language system is characterized by the growing influence of computer-mediated communication. Such mediation provides speech practice with new specificity. This trend causes purposeful orientation of the discourse's metalinguistic study and induces creation of statistically valid models. Such models should be discrete and hierarchically organized according to the statistical model of communication, scientific discourse inclusive. The terminological level is a basic benchmark for consistent and hierarchical meta-descriptions of derivational relations. The goals of the complex modeling of referent language relations are conditioned by the term system verification and correct systematization. The basis of the relevant scientific practice is a representation of basic concepts: meta-description issues are presented through derivational relations. *Derivation* is approached as a phenomenon itself and its basic units: *derivatives*, *derivates*, *derivants* are included into the practice of meta-description. The aspects of this problem area consideration, in particular lexical, are characterized by the significant potential of metalinguistic representations.

Key words: derivation, term system, metalanguage, meta-description, frame, hierarchical meta-model of derivation, computer-mediated discourse

REFERENCES

1. Balakin S. V. *Derivatsionnyy potentsial kontseptual'noy sistemy yazyka: Dis. ... d-ra filol. nauk* [Derivational potential of the language's conceptual system]. Cheljabinsk, 2016. 609 p.
2. Barkovich A. A. *Internet-diskurs: komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya* [Internet discourse: computer-mediated communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. 288 p.
3. Barkovich A. A. *Informatsionnaya lingvistika: Metaopisaniya sovremennoy kommunikatsii* [Information linguistics: Meta-descriptions of modern communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2017. 360 p.
4. Barkovich A. A. Computer-mediated communication: potential of metalexicalexical significance [Komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: potentsial metaleksicheskoy znachimosti]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2015. № 7 (152). P. 38–43.
5. Barkovich A. A. Functionality of the dyad "communicational–communicative": discursive aspect [Funksional'nost' diady "kommunikatsionnyy – kommunikativnyy": diskursivnyy aspekt]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology]. 2015. № 5 (37). P. 37–52.
6. Golev N. D. *Dinamicheskiy aspekt leksicheskoy motivatsii* [The dynamic aspect of lexical motivation]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo un-ta, 1989. 252 p.
7. Kurilovich E. Lexical derivation and syntactical derivation [Derivatsiya leksicheskaya i derivatsiya sintaksicheskaya]. *Ocherki po lingvistike*. Moscow, Izd-vo inostr. lit., 1962. P. 57–70.
8. Murzin L. N. The degrees of language freedom [O stepenyakh svobody yazyka]. *Russkoe slovo v yazyke, tekste i kul'turnoy srede. Pamyati E. V. Kuznetsovoy*. Ekaterinburg, Izd-vo UrGU, 1997. P. 127–133.
9. Jakobson R. Speech communication [Rechevaya kommunikatsiya]. *Izbrannye raboty*. Moscow, Progress Publ., 1985. P. 306–318.

Поступила в редакцию 16.02.2017